

В столице всю ночь шел сильный снегопад. Еще не рассвело. Усадьба правого заместителя министра финансов. Четыре юные служанки в темно-синих теплых кофтах и юбках, неся в руках всевозможные принадлежности для умывания, миновали ворота Чуйхуа и мелкими шажками пошли по крытой галерее. От лютого холода лица и руки у всех четверих покраснелись. Они остановились перед дверью главных покоев, и та, что шла впереди с фонарем, вполголоса позвала тех, кто внутри.

Вскоре дверь отворилась. Из комнаты вышли две опрятно одетые служанки и по очереди приняли вещи у пришедших. Дверь снова закрылась, а четыре младшие служанки остались стоять снаружи на галерее. Они терли озябшие руки, дышали на ладони, пытались согреться, и мучились от холода в ногах, но не смели шелохнуться, боясь потревожить юного господина. Каждая из них втайне мечтала о том дне, когда сможет выбиться в люди и получить дозволение прислуживать в этих покоях.

А в комнате сладко спавший Е Мян, услышав тихий шорох снаружи, перевернулся на другой бок. Он натянул расшитое одеяло повыше, укрывая половину лица, что-то сонно пробормотал и снова заснул. За ширмой служанки, бесшумно хлопотавшие над его одеждой и обувью — согревали сапоги и окуривали платье благовониями, — тут же замерли и затаили дыхание.

Баоюэ, которая только что ставила медный таз на подставку и случайно звякнула, смущенно прикусила язык. Старшая служанка Баосюэ сердито зыркнула на нее, после чего на цыпочках обошла большую ширму, покрытую золотым лаком с узором из перьев зимородка, подошла к кровати с балдахином и, приоткрыв уголок тяжелого полога, заглянула внутрь.

Юный господин сладко спал. Баосюэ посмотрела на клепсидру в углу, немного поколебалась и все же тихо позвала:

— Четвертый молодой господин, уже час Мао.

— ...

— Четвертый молодой господин?

— Четвертый молодой господин, пора вставать.

Не получая ответа, Баосюэ продолжала терпеливо звать его.

— Не встану!

Наконец раздался из-за полога сонный, но все еще звонкий юношеский голос. В нем слышалось то ли раздражение, то ли капризное нежелание. Девушки за ширмой прикрыли рты ладонями, с трудом сдерживая смех.

Баосюэ сдержала улыбку и произнесла:

— Уже час Мао, пора вставать на занятия.

— Не пойду!

— Четвертый молодой господин... — не отступала служанка, стоя у кровати.

Раздраженный Е Мян с головой накрылся одеялом. Вскоре из-под него донесся глухой голос:

— Четверть часа... Разбуди меня через четверть часа.

— Тогда вы не успеете позавтракать, — с беспокойством возразила Баосюэ.

— Положите мясные лепешки в экипаж.

Сказав это, Е Мянью снова повернулся под одеялом, подставив под полог спину и ягодицы, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Баосюэ бессильно опустила полог и отошла. За ширмой сметливая служанка уже отправила кого-то на кухню с поручением.

Е Мянью показалось, что он проспал всего несколько секунд, как его снова начали будить. Сонный, он все же понимал, что нежиться больше нельзя. Превозмогая дремоту, он сел с закрытыми глазами. Холодный воздух, коснувшийся плеч, немного привел его в чувство.

Дрогнув густыми темными ресницами, он приоткрыл глаза. Баосюэ уже протягивала ему чашку свежесваренного чая. Сделав маленький глоток и убедившись, что напиток в меру крепкий и не горячий, он запрокинул голову и осушил чашку до дна.

Живительная влага напитала истосковавшееся за ночь тело, и утреннее раздражение улеглось больше чем наполовину.

Задев ногой все еще теплую грелку под одеялом, Е Мянью невероятным усилием воли заставил себя подняться. Он спустил ноги с кровати, накинув поданную Баонянь не новую стеганую кофту из шелка кэсы и отправился умываться.

Умывшись горячей водой с ароматной бобовой пудрой, Е Мянью шмыгнул носом и спросил у Баохэ, которая стояла рядом и держала полотенце:

— Погляди, у меня нос не покраснел от холода?

Баохэ взглянула на нежное, белокожее лицо своего господина и, прикрыв рот рукой, улыбнулась:

— Да где же он красный? Выдумываете вы всё, четвертый молодой господин.

Баонянь, разводящая неподалеку воду для полоскания рта, передала расписную глазурованную баночку с каменной солью служанке рангом пониже и с укоризной взглянула на Е Мянью:

— Больше никаких жаровен ставить нельзя. Если хозяин узнает, опять начнется...

Не успела она договорить, как Баосюэ дернула ее за рукав, и Баонянь недовольно замолчала.

О том, что Е Мянью жутко боится холода, знали все слуги во дворе Баофэн. В покоях у других обходились парой жаровен, у него же только в спальне стояло четыре штуки.

Баосюэ сердито зыркнула на Баонянь, а затем с улыбкой обратилась к Е Мянью:

— Четвертый молодой господин, у меня уже на лбу испарина выступила. Пожалейте нас, сделайте милость.

К моменту пробуждения Е Мянью во всех комнатах двора Баофэн зажгли огни. Всмотревшись при свете свечи, он заметил, что на лбу Баосюэ и правда выступили мелкие капельками пота.

— На улице лютая стужа, с чего бы тебе потеть? — удивился Е Мянъ.

— В наших комнатах так тепло, что стоит мне немного подвигаться, как становится невыносимо жарко.

— Ладно-ладно, пусть будет по-вашему.

Е Мянъ взял щетку, обмакнул в порошок и принялся чистить зубы. Старшие служанки в комнате облегченно выдохнули, а на Е Мянъ навевала тоска. С тех пор как прошлым летом он неведомым образом очнулся в этом теле, ему пришлось натерпеться такого, о чем раньше он и подумать не мог.

Хотя его новоиспеченный папаша занимал немалый пост, а жизнь в этой никогда не упоминавшейся в учебниках истории династии Великая Вэнь считалась роскошной по местным меркам, ему то и дело хотелось ругаться последними словами.

И дело было вовсе не в капризах и не в том, что до перерождения он жил как сыр в масле. Просто никакие блага древности не шли в сравнение с тем комфортом, который современные технологии подарили человечеству. Прежде всего ему оказалось безумно трудно привыкнуть к отсутствию кондиционеров. Летом еще куда ни шло: он перенесся сюда на исходе сезона, служанки обмахивали его веерами, в комнатах расставляли чаши со льдом, так что жару он пережил вполне сносно.

Но зима в династии Великая Вэнь, не знавшей парникового эффекта, выдалась до ужаса морозной. Их дом, за исключением каменного фундамента и черепичной крыши, состоял преимущественно из дерева. Когда в самый разгар зимней стужи задувал северо-западный ветер, температура в комнатах мало чем отличалась от уличной.

Ни кондиционеров, ни батарей. Легендарная система отопления «дилун», поговаривали, согревала полы лишь в нескольких главных дворцовых залах. А про отапливаемую лежанку матушка и вовсе заявила, что на подобных спят только северные варвары, а в их Великой Вэнь все пользуются кроватями.

В покоях Е Мянъ пользовались жаровнями и грелками. Вблизи от них обдавало жаром, а отойдешь чуть дальше — замерзнешь. Из-за неравномерного тепла приходилось расставлять их по всем углам, за что отец знатно его отчитал, обозвав избалованным неженкой, который только и умеет, что капризничать да требовать лучшего.

До того как переродиться, он рос в обычной семье среднего достатка, но даже при этом более десяти лет проспал на мягком пружинном матрасе. Местные деревянные лежанки оказались для него сущим мучением. В первое время ему стелили лишь тонкий тюфяк да прохладную циновку, отчего у него немилосердно ныли все кости.

На второй же день Е Мянъ велел служанкам подложить на постель еще несколько одеял, но не прошло и пары дней, как госпожа Е велела их убрать, поучая сына:

— Ты еще растешь, к чему приучать себя к мягкой постели?

В то время Е Мянъ только осваивался и, поняв, что протесты бесполезны, не решился бунтовать открыто. Ему пришлось терпеть и спать на жестком до тех пор, пока на его белых ягодицах не проступили огромные синяки.

Госпожа Е нешуточно перепугалась и спешно велела позвать лекаря. Осмотрев мальчика, тот

заклучил:

— Кожа у молодого господина слишком нежная, ему и впрямь надобно спать на мягком.

Отец, вернувшись вечером из управы, узнал об этом и в сердцах разразился ругательствами, обозвав его ни на что не годным олухом. Но матушка все же распорядилась отослать во двор Баофэн несколько мягких ватных тюфяков, и только тогда Е Мянью наконец смог спать спокойно.

Е Мянью тщательно почистил зубы, несколько раз прополоскал рот соленой водой и лишь затем принял из рук служанки полотенце. Зубы следовало беречь пуще глаза: в эти времена никакой анестезии не знали, и о том, что будет, если начнется кариес, страшно было даже помыслить.

Умывшись, Е Мянью накинув кофту и прошел в небольшую боковую комнатку. Служанки знали, что молодой господин идет справлять нужду, а потому не пошли следом.

Рядом с туалетным ведром стояла жаровня, так что здесь было тепло. В углу, в курильнице в виде священного зверя, тлели благовония муми, а само ведро было засыпано толстым слоем душистых древесных опилок. В уборной витал приятный аромат, создавая полный уют.

Устроившись на сиденье и почувствовав облегчение, Е Мянью с удовольствием зажмурился. На ум невольно пришло воспоминание о том, с каким содроганием он поначалу ходил здесь в туалет.

Знешняя туалетная бумага оказалась такой грубой и жесткой, что после первых же попыток воспользоваться ею Е Мянью почувствовал, будто его пятая точка вот-вот отправится на небеса. Дай ему тогда кто-нибудь рулончик нежной современной бумаги, он бы без лишних слов рухнул перед спасителем на колени.

Когда он деликатно намекнул на свое неудобство личной служанке, Баохэ немного подумала и спросила:

— Четвертый молодой господин, быть может, вы желаете пользоваться более гладкими туалетными палочками?

— Палочками? — не понял Е Мянью.

Баохэ принесла ему бамбуковый стаканчик, в котором стояло несколько бамбуковых дощечек длиной в фут и шириной в два пальца. Сверху они были закруглены и отполированы до идеальной гладкости.

Е Мянью вытащил одну и принялся разглядывать: на рукояти были даже искусно вырезаны цветы и птицы.

<http://bllate.org/book/18289/1753805>